перешеванную пищу, шевел, вытягивал губы, а невнимательно поглядывал на серебряную тарелочку, которую сбоку на вытянутых руках держал молодой из лушаев лакей Вениамин. Был этот Вениамин придурковат, слушал, на голове не волосы, а черная плюш, гуталин, без ворсинок. Слушал у папа Листницкого шесть лет.

Иногда, когда приходило стоять над генералом с серебряной тарелочкой, не мог без тошноты глядеть, как старик вытягивал серые изнуренные зубами шевы потом привык. А через год как-то вдруг, как пал вышеуказанный котлетки из белого мяса индейки вытягивает их „пропадает добро, с ним не глотает, а у меня сухарик в животе. Лежит, как кобель на сене, одним глазом. Я попробую доедать за него, не сорвет?" Попробовал. Не сорвало. С тех пор после обеда уносил серебряную тарелочку в переходную и там торопливо глотал то, что папу запретили доктора глотать. От этого-ли, или от другого чего, но разъелся заметно салом, набрал на шее частые складки. Были волосы на голове Вениамина, как черная плюш.

Из прислуги, кроме Вениамина, еще: кучер Сашка, конюх, одряхлевший, старик-сторож, а вновь поступившие на должность кучера Григорий с Аксиньей, бывшая толстозадая Лукерья с первого-не дня отошла от печи.

— Стрясется будет, как рабочих на лето нанимать пора, а сейчас я, конечно, сама управлюсь.

На обязанности Аксиньи лежало три раза в неделю мыть в доме полы, кормить скотину и содержать двор в чистоте. Она ретиво взялась за службу, всем стараясь угодить, не исключая и Лукерьи, похожей на желтый комок невежества. Григорий большую часть времени проводил в просторной рубленой конюшне вместе с конюхом Сашкой. До сумерек сидел дома Сашин старик, но Сашка так и остался, никто не баловал его обществом, а фамилию, наверно, не знал и сам старый Листницкий, у которого жил Сашка больше двадцати лет. В казарме Сашка кучеровал, но под его жезл на этот раз попал в конюхи. Низенький, весь в зеленой седине (на руках и то рос седой волос) с носом расплющенным еще в детстве ударом чекмаря[1]) вечно улыбался от голубой детской улыбки, светившей окружающее простодушием. В голубых в красных складках глаз, порытых его апостольское лицо нос нужнот с весомостью, да изуродованная стекающим книзу шрамом нижняя губа. В солдатчину (работа Сашка был из бочкарских москалей) вместе с водой квасил из кадки острой водки; она обжигала струйки и прищурил

[1]) Чекмарь — палка с утолщенным книзу концом.